

В Беларуси, как известно, нет могил мусульманских святых, но культ последних и почитание могил умерших предков весьма высокое. Среди респондентов старшего и среднего возраста в культ святых и могил предков верит около 90 % опрошенных, а среди молодежи — почти каждый второй. Причем похоронный обряд белорусских татар имеет существенные отличия от обряда мусульман компактного проживания. Например, после смерти родственника в течение 40 дней читаются молитвы на могиле, чем отдается дань уважения к усопшему, его земным делам. Заключительные блоки исследования помогли установить, что лишь 23,2 % опрошенных утверждают, что в их семьях никто не соблюдает мусульманских праздников и обрядов. Следовательно, культ ислама в этой категории населения имеет широкое распространение. Кроме того, примечательно и то, что никто из опрошенных не отметил негативной роли мусульманского культа в их жизни. Напротив, свыше 70 % респондентов признали его положительное значение.

Анализ «бытового ислама», семейно-бытовых традиций, обычаев и обрядов на основе исследования в среде белорусских татар показывает несостоятельность утверждений о потере национальной самобытности этим малым народом, утрате им традиций, обычаев и вероисповедания.

¹ М у х л и н с к и й А. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. С.пб., 1857. Его же. Zdanie sprawy o Tatareck Litewskich. Vilnius, 1858. Т. 4.

² Д у м и н С. У., К а н а п а ц к и И. Б. Белорусские татары: Прошлое и настоящее. Мн., 1993; С т а н к е в и ч А. Белорусские мусульмане и белорусская литература арабским письмом. Вильня, 1933.

³ Анкетированием в этих населенных пунктах было охвачено около 10 % обследуемого населения.

А. А. КРУГЛОВ

РЕЛИГИОЗНАЯ ОБСТАНОВКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ*

Анализируя религиозную обстановку в республике, нельзя не обратить внимания на призывы — создать национальную религию. В качестве таковой одни предлагают православие, другие католицизм, а третьи — униатство. Что касается первой позиции, то она исходит от православной церкви, которая уже называется не Русской, а Белорусской православной церковью Московского Патриарха (пока! — А. К.). Да и преобразование Минской епархии в Белорусский экзархат — не случайное явление. Как видим, первые шаги сделаны. Об этом же свидетельствует и чтение проповедей на белорусском языке и попытки церковников перевести на национальный язык Библию. В этом проявляется их оперативное приспособление к новым веяниям.

Католическая позиция в этом вопросе сводится чаще всего к окатоличиванию (под видом белорусизации) церковной службы. Представители же народного фронта «Адраджэнне» в качестве национальной религии выдвигают униатство, обосновывая это прежде всего тем, что униаты, ведя проповеди на белорусском языке, якобы не только сохранили белорусский язык, но и уберегли его от русификации. В этой связи хотелось бы высказать несколько замечаний. Во-первых, творцом и хранителем белорусского языка, как и любого другого, был и остается сам народ. Во-вторых, униаты пользовались белорусским языком лишь с целью завоевания авторитета у белорусов. И, наконец, в-третьих, ратуя за униатство, его приверженцы, осознают они это или не осознают, ратуют за католицизм.

Для последнего утверждения есть все основания. Учение униатства базируется на философско-теологической доктрине католицизма. В части исповедания веры униаты, как и католики, признают, что святой дух (третья ипостась христианского Бога) исходит не только от Бога-отца, но и Бога-сына. Униаты, как и католики, признают главенство над своей церковью папы римского и обязаны почитать его во время богослужения. Как и католики, они признают культ богоматери. В социальном плане униатская церковь полностью стоит на позициях Ватикана. Лишь в обрядовом отношении униатам пока разрешено придерживаться православной практики, да и то не во всем: совершать богослужение на национальных языках, а священникам — жениться.

Что же касается самой идеи национальной религии, то она вообще неприемлема для Беларуси. Дело в том, что спецификой всякой национальной религии

* Окончание. Начало см.: Вестн. БДУ. Сер. 3. 1993. № 2.

является то, что ее приверженцами могут быть люди одной национальности. А это ведет к разжиганию религиозно-националистической вражды и даже к шовинизму. К сожалению, в республике уже имеются случаи межконфессиональной вражды даже среди христианских церквей. И каждая из них обосновывает право на господство истинностью своей веры, тесной связью с народом и исторической обусловленностью. А если уж и вести речь о религии белорусского народа, но не о национальной, то можно в какой-то степени говорить лишь о ранних верованиях приднепровских славян.

Приверженцы национальной религии утверждают, что они борются за восстановление подлинной нравственности и духовности народа. Многие из них видят в религии основу духовной культуры. Такого рода утверждения не выдерживают элементарной критики. Хорошо известно, что духовную культуру составляют наука, философия, мораль, искусство, литература, музыка и т.д. Входят сюда также религия и атеизм как элементы духовной культуры.

Религия является духовной культурой верующих. Причем для христианина ислам, естественно, не является духовной культурой, как и для представителя буддизма не является духовной культурой христианство. У приверженцев разных религиозных конфессий своя духовная культура. В то же время и у сторонников материалистических идей своя духовная культура. Религиозная духовная культура, конечно, оказывает определенное положительное или отрицательное влияние на светскую культуру. Взять, к примеру, Библию как памятник истории культуры. Ее сюжеты вдохновляли и до сих пор вдохновляют художников, писателей, композиторов. В то же время известно, что, например, христианская церковь, насаждая религиозную духовную культуру, фанатически боролась против народного творчества, против светской духовной культуры, т.е. против того, что выражало дух народа, его культуру.

И тем не менее возрождению религии в Республике Беларусь уделяют внимание даже политические движения и партии. Так, например, Белорусский народный фронт «Адраджэнне», выступая якобы за свободу вероисповедания, за равноправие конфессий, а также «за отделение атеистической пропаганды от государства», в то же время ратует «за возвращение веры предков» как существенного элемента полноценной духовной жизни человека. Хотелось бы спросить у авторов этих положений лишь о том, что они понимают под «верой предков»: ранние верования славян? католицизм? униатство или вообще иудаизм, который в свое время имел широкое распространение в Белоруссии (до Октябрьской революции действовало 704 синагоги, в то время как самая крупная христианская конфессия (православие) при самых благоприятных условиях имеет в настоящее время 788 общин)?

Еще большие надежды на религию возлагает Белорусский христианско-демократический союз (БХДС), провозгласивший своей основной целью «морально-духовное, национальное, политическое и экономическое возрождение общества, его объединение вокруг церкви». Главным же своим программным принципом партия утверждает, что выход из всеобщего кризиса возможен только «через возрождение в обществе мировоззренческого фундамента, заложенного в Бессмертной Книге Божьей — Евангелии Господа Иисуса Христа!» Вот так. Вернитесь в лоно церкви, причем только христианской, станьте верующим, познайте Иисуса Христа, и всеобщего кризиса как и не бывало. Вместо него сразу появятся: «демократия, правовое государство, рыночное хозяйство, национальное самоуправление белорусского народа», т. е. все то, что весьма устраивает идеологов этой партии. А в конечном результате главным достижением и приобретением якобы «в деятельности БХДС будет Личность как образ и подобие Божие, как равная среди равных». Одним словом, говорим одно, думаем другое, а делаем третье. Каждому понятно, что опора на религию нужна БХДС лишь для прикрытия своих истинных целей. Никакая религия, даже национальная, не поможет нам построить поистине демократическое правовое государство.

Современные политики вытягивают религию в свои шумные игры для поднятия личного авторитета в глазах уставших от постоянного ухудшения жизни людей. Нынешние идеологи рыночной реформы призывают нас к терпению, покорности и даже покаянию. Больше всего призывают к покаянию православные иерархи и та часть интеллигенции, которая видит в православии спасение народа. На самом же деле в этом четко просматривается попытка Русской православной церкви вернуть себе утраченные привилегии и вновь превратить народ в послушное стадо. А интеллигенты-перевертыши своими призывами к покаянию всячески способствуют этому. Но спросить бы их всех: в чем грех и в чем должен каяться, например, колхозник, который честно и добросовестно трудился, кормил страну, обеспечивал ее хлебом, мясом, молоком, а получал за свой труд мизерную зарплату, не говоря уже о нищенской пенсии, которую ему жаловали распреде-

лители национального дохода? То же самое можно сказать и о добросовестном рабочем, интеллигенте.

Если уж и каяться, то лишь в том, что в свое время, как, впрочем, и теперь, они терпели, молчали, не того выбирали, не за того голосовали. Что же касается бывших идеологов и партократов, особенно ныне пережившихся, которые больше всего и призывают народ к покаянию, то они-то сами и должны бы в первую очередь покаяться в том, как довели этот самый народ до нищеты и голода, а страну — до развала. В полной мере это относится и к нынешним «слугам народа», которые, подобно древнему стоику Сенеке, призывают людей к покаянию, терпению и аскетизму, а себе ни в чем не отказывают, живут в свое удовольствие за счет обманутого народа.

Как ни парадоксально, но призывающие нас к покаянию и следовать десяти библейским заповедям, чаще всего сами не знают последних. Я уже не говорю о тех социально-нравственных предписаниях, которые приводятся в Библии вслед за десятью заповедями и которыми каждый христианин должен руководствоваться в своей жизни. О чем все это говорит? Прежде всего о том, что навязывание христианской морали, как показывает практика, связано чаще всего с непониманием ее сущности. Лишь незначительная часть людей делает это сознательно. Но эти последние хорошо понимают, что внедрение в сознание людей христианских принципов морали приведет к отречению от нравственных и духовных ценностей белорусского народа. А ведь они — весомая часть общечеловеческих нравственных ценностей. Вот их то и надо беречь, сохранять и развивать. Но вместо этого целенаправленно и осознанно развивается процесс растления личности. Если не обуздать растлителей, которые ради обогащения готовы на все, ни церковь, ни пропаганда религиозной морали нам не помогут.

Сошлюсь лишь на один пример, который свидетельствует о том, что нравственность не зависит от религиозности, и что религиозность не улучшает морали. Данные социологических исследований о состоянии религиозности в Европе и Северной Америке за 1992 г., приведенные польским журналом «Пшегленд повшехны», свидетельствуют, что самыми набожными вслед за жителями Ирландии являются граждане США (92 %), в том числе 214 млн (86,5 %) американцев считают себя христианами, а нравственность в тех же США с каждым годом падает, растет преступность. Только подростков от 14 до 17 лет арестовано в 1990 г. в 30 раз больше, чем в 1950, число внебрачных детей выросло по сравнению с 1960 г. на 500 %, среди несовершеннолетних в 1992 г. каждая десятая девочка была беременной. Исследователи падения нравственности связывают это явление прежде всего с разлагающим влиянием масс-культуры — низкопробной печатной продукции и особенно фильмов Голливуда, а также с массовой популяризацией в литературе и на экране секса. В то же время в Швеции, на которую мы стремимся в какой-то степени равняться, верующими себя назвали лишь 38 % населения, но преступность ниже, а нравственность значительно выше, чем в США.

Но это уже другая тема. Что же касается религиозной и прежде всего христианской морали, то не сказать о ее сущности просто нельзя.

Начну с пресловутых десяти библейских заповедей. О чем они говорят, кого и к чему призывают? Открываем Библию, книгу Исход, гл. 20. Читаем, что иудейский Бог повелевает Моисею передать Израилю следующее: «Я Господь, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства. Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим...» Читая дальше, придем к выводу, что первые четыре заповеди никакого отношения к морали не имеют. Почему? Да потому, что они определяют и регулируют не отношения людей между собой, а отношения верующего к богу, требуют верить в единого, иудейского бога, не поклоняться другим богам, не произносить имя этого бога напрасно, а также соблюдать субботу. В действительности это культовые требования иудейской религии. В них нашла отражение борьба иудаизма за единобожие. Христианство же, которое возникло позже как секта иудаизма, позаимствовало их вместе с Ветхим заветом. Однако в отличие от иудаизма оно отказалось от иудейского бога, заменив его христианским богом-отцом (в христианстве бог выступает одновременно в трех лицах: бог-отец, бог-сын и бог-дух святой), а также отказалось и от «соблюдения субботы», признав необходимость «соблюдать воскресенье», чем, по сути, само же нарушило из десяти четыре важнейшие заповеди «священного писания».

Что же касается остальных шести библейских заповедей, то они звучат так: 5. «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе». 6. «Не убивай». 7. «Не прелюбодействуй». 8. «Не кради». 9. «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего». 10. «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба

его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего» (Исход, 20, 12—17).

Говоря об этих нравственных предписаниях, включение которых в религиозную мораль повышает для некоторых ее незыблемость и авторитет, следует сразу же отметить, что в действительности они хотя и записаны в «священных книгах», но не имеют ничего религиозного, а носят общечеловеческий характер. И хотя церковь преподносит их от имени бога, на самом же деле эти простые нормы нравственности выработаны не религией, а людьми, обществом. Они имеют земное, а не божественное происхождение и возникли независимо от религии.

К тому же эти простые нормы нравственности вопреки богословским утверждениям не остаются вечными, неизменными, раз навсегда данными якобы самим богом. Да и возникли они в разное время, а не являются актом единовременного божественного творения. Так, запрет прелюбодеяния мог сформироваться лишь в период возникновения парного брака, а запрет воровства — с появлением частной собственности.

Церковь, взяв на вооружение элементарные общечеловеческие нормы нравственности, искажала их, приспособляя к требованиям тех господствующих классов, интересы которых она защищала. Так, заповедь почитать родителей обосновывается не тем, что родители заслужили уважение своим трудом, что они кормили, одевали, воспитывали своих детей, а тем, что так якобы повелел бог. К тому же под «родителями», например, православная церковь учила подразумевать, кроме собственно родителей, «начальников гражданских» и «начальников духовных», т. е. царя, церковнослужителей и всех представителей господствующих классов.

Не меньше искажается и заповедь «Не убий». Казалось бы, все здесь ясно: христианство и иудаизм, которые признают эту библейскую заповедь, выступают против убийств и войн. Но, увы, это далеко от истины. Заповедь в интерпретации богословов предписывает «не убивать» только единоверцев. Поэтому в той же Библии десятки раз воспеваются убийства, причем не единичные, а массовые, когда вместе с городами беспощадно уничтожаются старики, женщины, дети. И совершаются они именем бога, по воле бога. «И истребишь все народы, которые господь, бог твой дает тебе; да не пощадит их глаз твой» (Втор., 7, 16), — приказывает бог. Тот же бог устами Моисея отдает и такой приказ: «Убейте всех детей мужеского пола и всех женщин, познавших мужа на мужеском ложе, убейте. А всех детей женского пола, которые не познали мужеского ложа, оставьте в живых для себя» (Числа, 31, 17—18).

Вслед за заповедью «не убий» в том же наказе своему «избранному» народу бог говорит: «Кто злословит отца своего или свою мать, того должно придать смерти». Однако если рабовладелец даже убьет раба своего или служанку палкою, то он должен быть лишь наказан. Более того, если после удара палкою «Они день или два дня переживут, то не должно наказывать его, ибо это его серебро» (Исход, 21, 17 и 20—21). Вот так: рабовладельцу все можно. Этот же бог обещает израильскому народу уничтожить всех врагов его, если он будет слушаться и исполнять все повеления его. (См. Исход, 23, 23—30). И далее, иудейский бог, обращаясь к сынам израилевым, прямо говорит: «Вы народ жестоковыйный; если Я пойду среди вас, то в одну минуту истреблю вас...» (Исход, 33,5). Но он не только страшит, но и жестоко наказывает даже свой «избранный» народ. Когда израильтяне однажды изменили ему, он устами Моисея приказал тем, кто остался ему верен, чтобы они взяли мечи и начали убивать «каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего. ...и пало в тот день из народа около трех тысяч» (Исход, 32, 27—28). А что говорить об отношении бога к другим народам, если он только за то, что жители Вефсамиса заглянули в его ковчег без разрешения, поразил пятьдесят тысяч семьдесят человек? То же самое творили в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и фашисты. Кстати, многие из них были верующими и убийства, грабежи, насилие оправдывали ссылками на Библию.

Что же касается христианской интерпретации заповеди «Не убий» в Новом завете, то она по существу ничем не отличается от ветхозаветной и носит двойственный характер. По отношению к своим приверженцам Христос осуждает не только убийство, но даже мысль о нем: тому, кто только гневается на «брата своего напрасно», и то он угрожает верховным судилищем и геенной огненной (Матф., 5, 21—22). Однако, когда речь заходит о тех, кто не верует в него и призывает не верить других, то Христос не только предлагает жестоко наказывать их, но и угрожает им скорой гибелью на страшном суде (Матф., 18, 6; 10, 14—15; Лук., 19, 27). Поэтому не удивительно, что ни одна из христианских церквей не осудила ни первую, ни вторую мировые войны, которые разожгли империалисты.

Элементарной нормой нравственности является требование не прелюбодей-

ствовать, т. е. не нарушать супружеской верности. Однако и оно в христианском толковании направлено лишь на то, чтобы жена была верной мужу. В той же Библии мы встречаем многочисленные примеры разврата, да и в современной жизни эта заповедь не укрепляет семьи верующих.

Заповедь «Не кради» явно направлена на охрану частной собственности господствующих классов. Она не распространялась на собственность иноверцев. Не распространяется она и на эксплуататоров чужого труда. Еще более отчетливо выступает классовая сущность в заповеди, требующей, чтобы верующий не желал ничего, что есть у ближнего, — ни жены, ни дома, ни поля, ни раба, ни вола, ни осла его (Второзак., 5, 21). Ясно, что таким ближним, который имел рабов, мог быть только рабовладелец. Знаменательно, что жена в этой заповеди приравнена к частной собственности наряду с полем, ослом, рабом.

Заповедь «Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего» выражает также элементарную общечеловеческую норму нравственности. Испокон веков люди осуждали ложь, клевету, обман, вероломство. Но даже эта заповедь трактуется христианскими богословами в том смысле, что нельзя лжесвидетельствовать перед богом, а что касается отношения людей между собой, то как в Библии, так и в истории церквей не счесть примеров обмана и коварства. Такова сущность основных моральных предписаний Ветхого завета в интерпретации христианства.

Однако христианская мораль не ограничивается только этими десятью заповедями. Христианство дополнило ветхозаветную мораль рядом поучений Нового завета, которые нередко отрицают или заменяют нравственные предписания, изложенные в Ветхом завете.

Суть новозаветных социальных и нравственных поучений изложена в Нагорной проповеди. Названа она так потому, что, согласно евангелию от Матфея, Иисус произнес ее с горы. В этой проповеди провозглашается девять заповедей блаженства, которые выражают социальные и нравственные предписания. Кого же христианская церковь считает блаженным? Оказывается, блаженны «нищие духом», «плачущие», «кроткие», «алчущие и жаждущие правды», «милостивые», «чистые сердцем», «миротворцы», «изгнанные за правду», и, наконец, все блаженны, когда их будут «поносить... гнать и всячески неправедно злословить» за бога (Матф., 5, 3—11). Чем же бог обещает обеспечить блаженство? Оказывается, плачущим он обещает утешение, милостивым — помилование, миротворцев он обещает назвать сынами божьими, а чистые сердцем блаженны потому, что «они бога узрят».

В той же Нагорной проповеди предписываются и такие социально-нравственные требования: «Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинаящих вас и молитесь за обижающих вас. Ударившему тебя по щеке подставь и другую; и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку. Всякому, просящему у тебя, давай и от взявшего твое не требуй назад. И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними... Будьте милосердны, как и отец ваш милосерд. Не судите и не будете судимы; не осуждайте и не будете осуждены; прощайте и прощены будете» (Лук., 6, 27—32, 36—37).

Комментируя одно из важнейших положений Нагорной проповеди: «любите врагов ваших», великий столп православной церкви святой Иоанн Златоуст поучал: «Живи в мире с врагами, но со своими врагами, а не с врагами Божиими». Более того, он же утверждал, что враги Христа и православной церкви являются и врагами нашего Отечества. Стало быть, приверженцы других религий, а тем более неверующие, только за то, что они не разделяют взглядов Христа и православной церкви, попадают в число врагов Отечества.

Таким образом, христианская мораль, особенно в Новом завете, всячески восхваляет нищих духом, плачущих, кротких, призывает к аскетизму, любить врагов своих, но не божьих, не противиться злу и в то же время провозглашает принцип всеобщего равенства, однако не социального, а равенства перед богом. Требование покорности доводится здесь до самой крайней степени, проповедуются идеология отказа трудящихся масс от всякой социальной борьбы.

Христианская мораль требует любить прежде всего бога. Любовь к нему провозглашается как «первая и наибольшая заповедь», а любовь к ближнему ставится на второе место. Во имя любви к богу человек должен отказаться от любви к людям, ибо «дружба с миром есть вражда против бога, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом богу» (Иак., 4, 4).

Говоря о религиозной морали, обязательно надо отметить ее непоследовательность и противоречивость, в силу чего при всем своем желании верующий не может ей следовать на практике. Так, наряду с требованием почитать родителей, мы находим в Библии и такие слова Иисуса Христа: «Я пришел раз-

делить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его» (Матф., 10, 35—36). Как же согласовать все это с требованием уважительного и почтительного отношения детей к родителям? Далее Иисус Христос заявляет: «Кто любит отца или мать более, нежели меня, не достоин меня; и кто любит сына или дочь более, нежели меня, не достоин меня» (Матф., 10, 37). Это значит, что для верующего любовь к богу должна быть превыше любви не только к людям вообще, но даже превыше любви детей к родителям, а родителей к детям своим.

По содержанию, по сущности, по классовой направленности и антигуманному характеру мало чем отличаются от христианской морали нравственные принципы и других религий. Мировоззренчески нравственное содержание любой религии сводится к идее греховности. Опираясь на это положение, не только иерархи церквей, но и многие современные государственные деятели Запада используют идею греховности для оправдания своих агрессивных выпадов против других стран. Так, в свое время президент США Рейган заявил, что советская система безнравственная, так как советские люди «не верят в загробную жизнь», не верят в бога, «у них нет религии».

Любая религиозная мораль призывает верующего признавать существование бога, верить в него, любить и бояться его и поступать только так, как предписывает религия. Главным уделом верующего должна быть подготовка к «потусторонней жизни». Поэтому он должен меньше всего заботиться о земном, вести аскетический образ жизни, довольствоваться в ней самым малым.

В этой связи хотелось бы спросить нынешних политиков и деятелей культуры, так рьяно защищающих христианские нравственные предписания, чем же не понравился им так хорошо известный и совсем недавно пропагандируемый ими же моральный кодекс строителя коммунизма, который в свое время признали даже христианские богословы? А ведь моральный кодекс строителя коммунизма носит конкретно-исторический характер. Да, он не лишен декларативности. Да, многие его принципы нарушались. Да, он отражал определенный этап развития общества. Но как бы там ни было, он был и остается действительно самым гуманным моральным кодексом до сих пор.

И чтобы не быть голословным, напомним для забывчивых его основные положения, против которых и сегодня нечего возразить:

- добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест;
- коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех и все за одного;
- гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку друг, товарищ и брат;
- честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни;
- взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей;
- непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству;
- дружба и братство всех народов СССР, непримиримость к национальной и расовой неприязни... и т. д. Что же в этом плохого? Нет индивидуализма? Да. Но разве это плохо?

Не только к покаянию и замене коммунистической морали христианской зовут нас, но и к переоценке всех наших доперестроечных достижений и ценностей. А ведь не все так просто. Не подлежат переоценке, тем более коренной, основные идеологические, нравственные и духовные ценности нашего народа, его важнейшие достижения во всех сферах общественной жизни. Нет надобности пересматривать и переоценивать, в частности, и марксистское понимание сущности религии и атеизма, ибо от смены власти их сущность не меняется. Может меняться лишь отношение к ним.

Что же касается отношения государства к религии, церкви и верующим, то оно должно сводиться главным образом к осуществлению свободы совести, т. е. к обеспечению гарантированного права всем гражданам исповедовать ту или иную религию или не исповедовать никакой и быть атеистом. При этом, что очень важно, независимо от отношения к религии за всеми гражданами должны сохраняться одинаковые права и конституционные обязанности во всех сферах деятельности, ибо верующие и атеисты являются прежде всего гражданами государства, а потом уже в частном порядке каждый из них определяет и проявляет свое отношение к религии.